

Марта Морок

Однушка,
ипотека
и
Призрак
в придачу

Марта Морок

Однушка, ипотека и призрак в придачу

<https://litres.ru/74537628>

SelfPub; 2026

Аннотация

После развода я хотела только одного: свою квартиру и чтобы ни один мужчина больше не портил мне жизнь.

Теперь у меня есть тридцать четыре квадратных метра, ипотека на двадцать пять лет и мужчина.

Правда, мёртвый.

Призрак молодого архитектора утверждает, что погиб не случайно, из квартиры уходить отказывается и вообще ведёт себя так, будто это я поселилась у него, а не наоборот.

Продать однушку нельзя — ипотека.

Игнорировать соседа невозможно — слишком разговорчивый.

Остаётся выяснить, кто его убил, пережить ремонт и постараться не влюбиться в мужчину, которого даже выселить официально нельзя.

Потому что призрак достался мне в придачу. А вот чувства в договоре не значились.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Марта Морок

Однушка, ипотека и призрак в придачу

Глава 1

Ключи мне отдали в пятницу, в половине десятого утра, под звуки перфоратора. Менеджер застройщика Кристина вытащила их из прозрачного пакетика с таким лицом, будто вручала мне орден. Две штуки на колечке с брелоком в форме домика и надписью «ЖК Счастливый квартал». Брелок был розовый. Счастливый, видимо, тоже.

— Поздравляю с новосельем! — сказала Кристина и широко улыбнулась. — Вот акт приёма-передачи, вот тут подпись, и тут, и ещё вот тут, где галочка.

Я расписалась, где галочка. Потом ещё в двух местах, где галочки не было, но Кристина очень выразительно смотрела. За стеной перфоратор взял высокую ноту и держал её так долго, что у меня зачесались зубы.

— Это временно, — быстро сказала Кристина. — Люди делают ремонт. Через полгода будет тихо.

— Через полгода я сама начну делать ремонт.

— Тогда через год, — не растерялась она.

Мне понравилась её честность. Я пожала ей руку, забрала ключи и осталась одна. Тридцать четыре квадратных метра. Белые стены, серый ламинат, окно в пол с видом на соседний корпус и кусочек неба между ними. Кухня-ниша, в которой помещались плита, мойка и, если втянуть живот, я. Ванная с зеркалом, в котором я наконец разглядела себя целиком: двадцать восемь лет, пучок на макушке, старая толстовка и лицо человека, который полгода делил сковородки. Я стояла посреди комнаты. Потом сняла кроссовки, прошла в носках к окну и приложила ладонь к стеклу. Стекло было холодное, настоящее и моё. Точнее, моё и банка на ближайšie двадцать пять лет, но банк в гости ходить не будет.

— Ну привет, — сказала я квартире. Квартира ответила перфоратором.

Про развод я рассказываю коротко, потому что длинно уже рассказала маме, Юльке, психологу, парикмахерше и один раз, по ошибке, таксисту.

Мы со Стасом прожили вместе пять лет, из них три в браке. Жили в его трёшке на Академической, которую ему подарили родители. Трёшку я любила. Я сама её переделала: снесла кошмарную арку между кухней и гостиной, выбрала плитку, три недели спорила с электриком про розетки и один раз плакала в «Леруа Мерлен» над затиркой. Я дизайнер интерьеров, это моя работа. Я делаю людям красиво за деньги, а Стасу сделала красиво бесплатно, по любви. В феврале Стас сказал, что «перерос отношения».

В марте выяснилось, что перерос он их с девочкой из своего отдела, которой двадцать три и которая ведёт блог про осознанность. В апреле я собрала вещи. Трёшка, как и полагалось, осталась Стасу. Мне остались кофеварка, половина общих друзей и кот, который через неделю выбрал Стаса, потому что там был балкон. Я не обиделась на кота. Я бы тоже выбрала балкон.

Потом было лето, съёмная комната у Юлькиной тётки, четыре проекта подряд без выходных и таблица в экселе, где я считала первый взнос. Таблица была моим единственным близким другом, если не считать Юльку. Таблица хотя бы не говорила «может, тебе с ним поговорить?».

В августе я одобрилась на ипотеку. В сентябре подписала договор. И вот теперь стояла посреди тридцати четырёх квадратных метров, пахнувших свежей штукатуркой, и чувствовала себя взрослой до неприличия. Телефон завибрировал. Мама.

— Надюша, ну что, получила?

— Получила.

— И как?

— Хорошо, мам. Светло. Окно большое.

— А этаж какой?

— Двенадцатый.

— Высоко, — сказала мама трагическим голосом, как будто я сообщила, что переезжаю на Северный полюс.

— А лифт работает?

— Работает.

Лифт не работал. Я узнала это через два часа, когда приехали грузчики. Грузчиков было двое. Старший, Равиль, посмотрел на табличку «Лифт временно не работает. Приносим извинения. УК Счастливый дом», потом на меня, потом на мои коробки.

— Двенадцатый? — спросил он.

— Двенадцатый, — виновато сказала я.

— Сверху доплата, — сказал Равиль с тем спокойствием, с которым хирурги сообщают диагноз.

Я кивнула. Спорить с человеком, который сейчас понесёт мой диван на двенадцатый этаж, было глупо. Диван, кстати, был новый, в рассрочку. Первая вещь в жизни, которую я выбрала только для себя, не думая, понравится ли кому-то ещё цвет. Цвет был горчичный. Стас горчичный ненавидел.

Пока ребята таскали, я сидела на подоконнике в подъезде между девятым и десятым и отвечала на сообщения в чате жильцов, куда меня добавили через пять минут после получения ключей. «ЖК Счастливый, корпус 3» бурлил.

«Кто сверлит с 8 утра??? Закон о тишине для кого писали»

«Закон о тишине действует с 23 до 7, так что всё законно»

«Лифт когда починят? У меня холодильник внизу стоит»

«УК обещали в понедельник»

«УК обещали в прошлый понедельник»

«Соседи, подскажите, у кого-нибудь тоже в стенах кто-то

ходит? Шаги по ночам»

«Это трубы»

«Это соседи сверху»

«У меня нет соседей сверху, я на последнем»

«Значит трубы»

Я усмехнулась и отправила в чат дружелюбное:

«Всем привет, я Надя из 1207, въезжаю сегодня, если что, простите за шум».

Мне тут же поставили три сердечка и один восклицательный знак. Восклицательный поставила Галина Петровна из 1206, у неё на аватарке была кошка в шапке Деда Мороза. Я решила, что мы подружимся.

Дальше в чате какой-то Виктор написал, что его бабка раньше жила в этом районе и рассказывала, будто тут до войны стоял особняк какого-то купца или архитектора. Потом всё снесли, построили гаражи, потом снесли гаражи и построили нас.

«Вот поэтому и ходит кто-то», — пошутил кто-то.

«Не пугайте людей, у нас дети в чате», — ответила Галина Петровна.

Я закрыла чат, потому что Равиль как раз пронёс мимо меня коробку с надписью «КУХНЯ ХРУПКОЕ НЕ БРОСАТЬ» так, будто собирался её бросить.

К шести вечера пришла Юлька. Юлька всегда приходит с двумя вещами: бутылкой игристого и советом, который тебе не нужен. Сегодня она принесла ещё пиццу, и за это я про-

стила ей всё заранее.

— Боже, — сказала она с порога. — Какая прелесть. Какая крошечная прелесть. Надь, это же кукольный домик.

— Это студия.

— Это кукольный домик для взрослой разведённой женщины.

— Мне двадцать восемь.

— Вот и я говорю, взрослой. Она прошла в комнату, не разунаясь, и я поймала себя на том, что смотрю на её ботинки на моём новом ламинате.

Юлька проследила мой взгляд, закатила глаза и разулась. Мы сели на горчичный диван, потому что больше сесть было некуда. Пиццу поставили на коробку «КНИГИ». Игристое пили из кружек, бокалы лежали где-то в коробке «КУХНЯ», и открывать её было страшно после Равиля.

— За новую жизнь, — сказала Юлька.

— За новую жизнь, — повторила я, и кружки глухо стукнулись. Минут десять мы ели молча. Потом Юлька вытерла пальцы салфеткой и посмотрела на меня тем взглядом, после которого обычно начинается.

— Надь.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты сейчас скажешь, что мне пора в тиндер.

— Не в тиндер, — оскорбилась Юлька. — Тиндер для малолеток. Есть нормальные приложения, для серьёзных отно-

шений. Там мужчины с ипотекой, между прочим. У вас было бы общее.

— Юль, я полгода отдирала от себя одного мужчину. Я только что купила квартиру, где нет ни одного мужского носка. Дай мне насладиться.

— Ты будешь наслаждаться, а годы будут идти.

— Мне двадцать восемь!

— Это ты уже говорила, — невозмутимо сказала Юлька и потянулась за вторым куском.

Я отвернулась к окну. За стеклом загорались окна соседнего корпуса, одно за другим, как будто кто-то проверял гирлянду. В одном мужчина в майке жарил что-то на сковороде и махал лопаткой в такт музыке. В другом женщина развешивала шторы, стоя на табуретке. Где-то плакал ребёнок. Всё это было так обыкновенно и так спокойно, что у меня защипало в носу, и я быстро отпила из кружки.

— Кстати, — сказала Юлька, — а чего у тебя так дует?

— Где?

— Вот тут.

— Она вытянула руку в сторону окна.

— Прямо холодом тянет.

Я встала и проверила. Окно было закрыто. Створка прижата, ручка вниз. Я провела ладонью по раме и ничего не почувствовала. А потом шагнула вправо, туда, где заканчивалось окно и начиналась стена, и меня будто окунули в погреб. Холод был плотный и стоял на одном месте, как чело-

век. Я шагнула обратно. Тепло. Снова вправо. Холодно.

— Продувает, — сказала я уверенно, потому что я дизайнер и знаю, как это работает. — Новый дом, щели в откосах. Монтажники недоделали. Напишу в УК.

— Напиши, — согласилась Юлька. — А лучше найди мужика, он тебе запенит.

Я кинула в неё подушкой. Юлька ушла в одиннадцатом часу. На пороге она обняла меня крепко, по-настоящему, как обнимала в апреле, когда я приехала к ней с двумя чемоданами и котом, который ещё не успел меня предать.

— Ты молодец, — сказала она мне в волосы. — Правда. Ты сама всё это сделала.

— Иди уже, — сказала я, потому что голос вдруг подвёл. Дверь закрылась. Щёлкнул замок. Я прислонилась к двери спиной и какое-то время просто слушала. Тишина в новой квартире особенная. Она пахнет краской и картоном. В ней нет ничего твоего: ни скрипа знакомой половицы, ни гудения старого холодильника, ни чужого храпа за стенкой, к которому привыкаешь за пять лет так, что без него не спится. Есть только ты, коробки и собственное дыхание, которое вдруг становится очень громким. Перфоратор к ночи замолчал. Внизу кто-то хлопнул дверью машины. Больше ничего. Я пошла в ванную чистить зубы и обнаружила, что щётка в коробке «ВАННАЯ», а коробка «ВАННАЯ» под коробкой «КНИГИ», а на коробке «КНИГИ» стоит пицца.

Пришлось всё переставлять. Пока я переставляла, дверь

в ванную, которую я оставила открытой, тихо закрылась. Я замерла с коробкой в руках.

— Сквозняк, — сказала я вслух. Сказала очень спокойно. Потом поставила коробку, открыла дверь и подпёрла её тапком. Тапок был пушистый, с заячьими ушами. Против сквозняков он был бессилен, зато смотрелся мило. Я почистила зубы. Умылась. Посмотрела в зеркало. Женщина в зеркале выглядела уставшей, но довольной, и пахло от неё пищей и игристым.

— Ты справилась, — сказала я ей. Женщина в зеркале не спорила. Спать я легла на диване, потому что кровати ещё не было. Кровать должны были привезти в среду. Вместо одеяла был плед, вместо ночника телефон, вместо колыбельной чат жильцов, где Галина Петровна в двенадцатом часу ночи рассылала всем открытку «Спокойной ночи, соседи!» с котятками в корзинке.

Я поставила ей сердечко. Потом открыла эксель и полюбовалась на график платежей. Двадцать пять лет. Последний платёж в сентябре две тысячи пятьдесят первого. Мне будет пятьдесят три. К тому времени, наверное, изобретут летающие машины, а лифт в нашем корпусе так и не починят. Я выключила телефон и положила его экраном вниз на коробку. Темнота навалилась сразу. В окно падал жёлтый свет от фонаря во дворе, и на потолке лежала длинная полоса, перечёркнутая тенью от рамы. Я смотрела на эту полосу и думала о том, что надо купить шторы. И карниз. И дрель, пото-

му что просить соседа про дрель в первую же неделю неприлично. И лампу на кухню. И нормальную сковородку, свою, а не ту, которую я увезла от Стаса и которая до сих пор, кажется, пахла его омлетами. Потом я думала о том, что никто больше не скажет мне, что горчичный — это цвет детской неожиданности. Никто не уйдёт утром, не допив мой кофе. Никто не будет разбрасывать носки. Здесь всё будет так, как хочу я. От этой мысли стало одновременно очень хорошо и очень пусто. Я повернулась на бок, подтянула колени к груди и накрылась пледом до носа. Справа, у окна, там, где днём был холод, что-то тихо скрипнуло. Будто кто-то переступил с ноги на ногу на старом паркете. У меня был ламинат.

— Это трубы, — шёпотом сообщила я пледу.

Плед не возражал. Я закрыла глаза. Минута. Вторая. В голове плыли плинтусы, образцы плитки и Юлькино «там мужчины с ипотекой». Дыхание выровнялось. Я уже почти провалилась в сон, мягкий и тёплый, как горчичный диван. И тут в пустой квартире кто-то чихнул. Громко, от души, по-мужски. Так чихают люди, которые долго сдерживались.

— Будьте здоровы, — машинально сказала я. И только потом открыла глаза. В темноте у окна, в полосе света от фонаря, повисла тишина. Такая плотная, что я слышала, как у меня в висках стучит кровь. А потом очень вежливый мужской голос произнёс:

— Благодарю покорно. — Короткая пауза, во время которой я перестала дышать. — И доброй ночи, сударыня. Поз-

вольте полюбопытствовать, что вы делаете в моей гостиной?

Спасибо, что дочитали первую главу! Если история вам понравилась, подпишитесь на автора, чтобы не пропустить продолжение, и сохраните книгу в библиотеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.